

АЛЕКС

ВОСХОЖДЕНИЕ ДЬЯВОЛА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

В. ПАДАЛИЦА

Виктория Падалица

Алекс: восхождение дьявола

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Падалица В.

Алекс: восхождение дьявола / В. Падалица — «ЛитРес:
Самиздат», 2019

"Алекс Норват испробовал самый короткий путь, приводящий к безумию. И он с успехом добился своей цели..." Это завершающий том из цикла "Майкл Норват", в котором собраны несколько тайн, оставшихся за кадром в основном романе. Ну и традиционно жесть, как она есть, имеется в этом томе с переизбытком. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	15
Глава 2	19
Глава 3	23
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

В оформлении обложки использованы фотографии с <https://www.pexels.com> по лицензии ССО для личного и коммерческого использования.

От автора: роман принадлежит циклу «Майкл Норват», в который также входит основной роман-трилогия «Майкл Норват» и книга-приложение к основному роману «Дилана. Искушенный ангел», и является заключительным томом в истории. Эта история об одном из героев цикла логически завершена и может читаться отдельно от основного романа.

Пролог

*Ты хотел совершенства.
Ты получил совершенство.
Но я слишком совершенен для такого, как ты.
Я был для тебя изгоем
Со снежной ангельской улыбкой, а ты
Никогда не будешь лучшим, что бы ты не делал...
Как меня зовут?..
Оставь при себе «S», так как
Я не святой...
Marilyn Manson, «(S)aint».*

«Это же Алекс, сын Майкла Норвата, угольного магната и очень серьезного человека. С ним, как и с его отцом, шутки плохи. Так что дайте ему все, что он возжелает, и побыстрее, если не хотите нажить себе проблем на несколько поколений вперед...»

И поклониться не забудьте, стоит добавить от себя.

Вот как меня называли, вот, как говорили обо мне все, кому не попадя: свои и чужие, бараны и баранессы, быдло и шпана, шлюхи и кроткие девочки, которые, на свое унылое счастье, обходили меня стороной. Да, я известен во многих кругах, и в богатых, и в нищенских, и не в меру приличных аристократических, и в опущенных, сломленных, кощунственно-аморальных меньшинствах, и в криминальных...

Да кто обо только не знал в нашем городке...

Однако, вся эта, относительно горделивая, но слава пришла ко мне лишь только из-за отца. Родство с ним и сделало меня местной знаменитостью. Иначе говоря, я был его тенью всегда и везде, всего лишь тенью, а не кем-то уникальным, действительно стоящим похвалы и завистливых взглядов за собственные заслуги. И меня эта безвыходность грызла день от дня.

Я, сколько не буйствовал и не рвал на себе волосы, никак не мог обойти отца ни в чем. Признаюсь, что пытался, и причем, достаточно усердно, но всякий раз, когда я доходил до пика своих возможностей, до самой верхней ступени собственных возможностей, и только для того, чтобы безукоризненно выделиться и получить непредвзятую дозу восхищения в ответ, ощущал себя еще более презренной, чем до того, как попробовал это сделать. Мои возможности были не настолько сильны. А я не желал признавать себя менее способным, чем отец, который, как по мне, мало чем отличался от остальных людей.

Если б я мог предположить раньше, к чему приведет меня моя же судьба, не задумываясь, умер бы раньше, как и мой единственный друг, которому я доверял все на свете, и которого в один миг взяло и не стало.

Если братья основательно и вспоминать многочисленные и злосчастные попытки сломать собственное «Я», те жертвы, на которые я шел, чтобы постепенно превращаться в абсолютно другого человека, а не тем, кем мне было заложено стать, тут же накатывает грусть. Ведь стыдно признаться, у меня с малых лет ничего путного толком не получалось, в то время как отец всего добивался с легкостью и надменной саркастической ухмылкой. И в итоге что получалось?

Что бы отцу ни приспичило – все ему, и только ему. Незаслуженно к нему судьба так благосклонно относилась всегда и относится по сей день, точно же. Я ведь ничем не хуже него, просто мотивации не хватает, да и поддержки ни от близких, ни от друзей, нет.

Понимал я, причем довольно отчетливо, где-то под коркой мозга держал это, но конечно, не хотел принимать как истину в последней инстанции, что отец во многом меня превосходит,

и мне никогда не допрыгнуть до его высот; даже больше, чем следовало, и дело даже не в том, что он более опытен, и знает, как лучше поступить в той или иной ситуации, потому что старше меня. У отца, Майкла Норвата, известного человека, владельца крупного предприятия по добыче угля, получалось все, за что бы тот не брался. И касательно работы, и касательно личной жизни. Я ни разу не видел его в депрессии. Я постоянно наблюдал за ним и за собой, что могу я, а что может он, и от осознания собственного бессилия, жутко бесился, завидуя ему черной завистью. Этот факт, что я неидеален для всех, а ему все готовы в ноги падать, корбил и раздражал от нельзя и донельзя.

Несмотря на то, что я рос меланхоликом и остро нуждался в поддержке, отец не пытался поддержать меня в трудный момент ни советом, ни добрым словом. Он только и делал, что употреблял излюбленную фразу его отца, моего деда: «Не хочешь – заставлю!» А потом, сообщив, что меня не мотивирует его упертый сарказм и грубость сквозь ухмылку, а только стопорит, нашел более хитрый подход: он начал приправлять мой мозг еще и собственной философией нездорового оптимиста, которая совсем не вязалась с моей мягкостью и нерасторопностью характера: «Что бы не случилось, какая бы тоска в тебе не сидела и не тянула на дно, Алекс, надо взять и пересилить себя. Пересилить тоску и боль, а немедля действовать. Надо не раздумывать над трудностью выбора, а упорствовать и карабкаться вверх, и никогда не переставать бороться за самое лучшее. Перестанешь бороться, почувствуешь тяжесть, которая потянет тебя вниз, оттого начнешь себя жалеть и вертеться по сторонам в надежде, что кто-то другой поможет тебе не сорваться и не упасть со смертельной высоты. Но, кроме тебя, там, на той высоте, никого не будет, и ты потеряешь время, потеряешь равновесие и разобьешься, молнией упав с той высоты, которую уже немалыми усилиями успел покорить. Вставать с земли и пробовать взбираться на вершину снова куда сложнее, чем карабкаться в первый раз, силы по своей природе имеют свойство кончаться, в отличие от трудностей и неудач, которые предпочитают пребывать. Но не надо бояться неудач, ведь от них тоже есть своя польза. Неудачи закаляют твой характер, и все те испытания, что тебе даются, должны быть пройдены для того, чтобы изменить тебя. Но, если все время срываться и бросать борьбу, рано или поздно ты захочешь, но уже не сможешь встать на ноги после очередного падения...»

Отец годами пытался поломать меня своими наставлениями не допускать ошибок и делать так, чтобы выходило сразу и правильно. Делал вид, что ему не все равно, что чувствую я. Я же не поддавался на провокации. Незачем мне закалять характер, когда я и так им доволен в полной мере. Дело не во мне ведь, и даже не в том, что я испорчен или не внимателен, а в отце моем кроется главная проблема. В бесчувственном отце, холодном и вечно занятым своим угольным детищем, переходящем из поколения в поколение.

Как успешный владелец единственной работающей шахты в городке и начальник сотен подчиненных, для каждого из которых он искал собственный подход, а потому никто из его подчинения не уходил, мой отец, как ни парадоксально это бы не прозвучало, не мог справиться со своим сыном. Он не понимал, что я не хочу и не стану подстраиваться под немодные и порядком устаревшие шаблоны, которые он слепил «на отвали» когда-то давно, когда время на то бесполезное занятие было, и пичкал меня ими раз в неделю, когда приходил в гости. Да, всего лишь раз в неделю я виделся с отцом. Остальное время был предоставлен сам себе.

Я – это я, а не точная копия папочки, который натворил дел по молодости, нападался себе с ого-го каких высот, шишек на всю жизнь понабивал, а теперь хвалится, что решил все проблемы силой духовного равновесия и стойкости характера. Детей наклепал от разных женщин, иными словами, мой папаша, и все, управился...

Тоже мне, духовность.

Было б на кого равняться, я бы с радостью, да вот только не на отца. А меня то и делали, что сравнивали с ним, и результат тех сравнений был не в мою пользу. И каждый раз, когда

это происходило, я понимал, что все больше и больше теряю любовь к отцу только потому, что он лучше, чем я.

А те, кто нас сравнивал, чтобы меня задеть посильней и вызвать приступ неконтролируемого бешенства вперемешку с обидой на весь мир, в том числе и внутрисемейный, то есть мама моя, обожали акцентировать внимание на ослепляющей яркости этого контраста. Да просто выводило из себя, плющило до безумия, что в моей персоне не видят и не хотят видеть уникальности, с моей гениальной личностью не считаются! Зато непомерно раздутую личность моего недалекого папочки, помешанного на выпивке и сексе, кто-то ненавидел, а кто-то боготворил, разбрызгивая слюни от обезьяньего восторга на рядом стоящих людей, но все равно со всех углов говорили о нем, не переставая. О нем, подлеце высокомерном, циничном болване и эгоисте, а не обо мне трезвонили эти ханжи без конца!

Я же, как пустое место по сравнению с отцом, не был предметом жестких сплетен, либо же слюнявых лобызаний. Всего лишь сын большого человека, он не стоит того, чтобы о нем говорили.

А я ведь тоже человек, живой человек, со своим характером, достижениями. Я достаточно умен и вовсе не урод, хотя мог бы быть немного посмазливей, если б не грубые черты лица и гадкий, ненавистный, пугающий взгляд неестественно синих глаз, доставшийся от отца всем его детям, в том числе и мне.

В отличие от сестры Линды, сутулой крашеной блондинки, которая и мордой, и конституцией тела вышла точной копией папаши в молодости, только без щетины и других причудалов, свойственных мужикам, я выглядел более нежно и, можно сказать, женственно, нежели она.

Не было у меня разросшихся от тяжелого труда мускулов, как у папаши, зато были высокие манеры и свой собственный, немного наивный, но достаточно гуманный подход к окружающим меня людям.

Милый парень я, если уж начистоту, который привлекает внимание и располагает к себе до той самой поры, пока не называет своего имени.

Да, я парень хоть куда, и складно сложенный, и с чувством юмора, и с красивой улыбкой, и с задатками романтика, которые так в себе и не раскрыл. Нет, не жалею. Не успел раскрыть те задатки, что оказалось к счастью.

Но негативная фамилия Норват, сплошь, как заброшенная могила проклятого, покрытая сплетнями и слухами, не давала мне жить спокойно и чувствовать себя полноценным мужчиной. Дело вовсе не в том, что девушки не смотрели на меня, а, чуть позже приветствия не бросались под меня штабелями. Очень даже смотрели и бросались. Порой, бывали времена, когда от телок, голодных до денег, отбоя не было.

В целом, можно подумать, что жаловаться мне не на что: вниманием не обделен, товарищей дофига и больше, семья есть, деньги есть. Да и я весь, как яркий карикатурный пример избалованного мальчища-плохиша из богатой семейки, который тусит где хочет, с кем хочет и когда хочет, ни в чем себе не отказывая, с жиру бесится, шкодит направо-налево, и это все мне сходит с рук лишь только благодаря мягкости мамы и относительной отдаленности папаши, который физически не успевает осуществлять тотальный контроль надо мной как за единственным сыном, причем самым старшим из всех его детей.

Но все не так, как кажется на первый взгляд. Я очень несчастен, и мне много чего не хватает, вот потому я и ищу в другом, не относящемся к норме, замену душевной и физической нехватки любви и поддержки.

В общем, понял я очень скоро, что люди не хотят воспринимать Алекса Норвата как самостоятельную, сильную и опасную личность, поголовно считая меня совсем неважным звеном давно существующей цепочки плодовитого и жестокого рода Норват, членов которого можно

либо любить и боготворить, как Бога, либо ненавидеть и бояться, как самого аморального преступника.

А потому не принимали всерьез меня и мои попытки общаться с людьми по-хорошему. В итоге, люди сами напросились и начали получать то, что заслуживали – мою лютую ненависть и презрение к каждому, с кем не сходилась во взглядах.

Это не я плохой, это все вокруг идиоты, ненадежные и недостойные меня...

Я понял эту простую истину и взял за образец, как можно и нужно относиться к людям. Они еще поплатятся, а я добьюсь самых вершин и стану в сотни раз популярней всех Норватов, вместе взятых. И через отца переступлю.

Была бы поддержка хоть от кого-то...

Несколько раз обжигаясь в отношениях с девушками, которые были слишком легки на подъем и не оправдывали возложенных мною на них благородных надежд, я узнавал от них же, что подавляющее большинство тех, кто вертится в сфере плотского удовольствия, то есть, шлюшек, имели разовые отношения и с моим отцом тоже.

Мои телки, которые приглянулись больше остальных и запали в сердце, не были исключением: кто-то недавно перед Майклом Норватом ноги раздвигал, а кто-то давненько. Давно, но ведь было же. Прошлого не стереть.

Кто-то из этих шлюшек получил незабываемое удовольствие, а вот над кем-то мой, честный и якобы познавший золотую середину душевной гармонии, супер-папаша поизмывался вдоволь и дал денег за молчание.

А мне же было обидно, что я трахаю тех, кого уже трахнул мой отец, да еще и за бабло. Я этим телкам душу мечтал открыть, поделиться своим сокровенным, а они вон с кем были, твари...

Не знаю наверняка, лишь имею смутные догадки о том гнилом факте, почему мне частенько попадались те же самые бабы, которых я, получается, доставал с пылу с жару чуть ли не из-под отца. Может, все дело в том, что у нас с отцом совпадают вкусы, нам нравятся один и тот же типаж, а может, мы оба не ищем обязательств, предпочитая трахнуть разок ту, которая первая подняла руку вместе с задратой юбкой в знак согласия ее попользовать, а затем, как удовлетворимся, застегнуть штаны и пойти домой с чистой совестью и опустевшими, вместе с кошельком, яйцами.

Понятное дело, что эта правда, как и любая подобная, не прошла стороной для моей тонкой, ранимой души. Сполна нахлебавшись разговоров о сомнительной славе отца, нелестной, а порой резкой и негативно экстремисткой в плане извращенного секса и отношением к телкам, как к простому товару, я твердо вознамерился переплюнуть его во всем. Даже в самом низменном и мерзком, что мне так не нравилось раньше, а потом, как перевоспитал себя и стал хуже в глазах окружения, в планах прочно осела цель – дорасти до максимального уровня тирании и жестокости, причем, в ускоренной программе. Стать совершенным негодяем, у которого вообще нет и не было никакой морали и нравственности. Майкл Норват пусть и дальше останется конченным похотливым ублюдком, тираном, не имевшим совести, жалости и приличия, а Алекс Норват пойдет до самого конца всевозможных и невозможных пределов, ломает их и, в конечном итоге, подчинит себе весь мир, который покорно ляжет у его ног тогда, когда сам Алекс Норват этого захочет.

Отец не изменится уже никогда, слишком окостенел его примитивный пропитый и прогулянный разум. Но это не мешает ему быть невероятно принципиальным и требовать невозможного от всех-всех, а в особенности, от меня. Только вот он права не имеет требовать от меня что-либо.

Мое сознание и восприятие всего, кто и что меня окружает, начало ломаться еще с раннего детства, когда я, не понимая, почему у меня есть отец, но живет он в другом доме, с другой женщиной, а не с моей мамой, воспитывает Линду, мою сестру наполовину, а я живу с

мамой, которая страдает от одиночества и ощущения ненужности. Я всегда жил с мамой, отец приходил к нам поначалу раз в неделю и подолгу заседал в гостях.

После того, как мне исполнилось четырнадцать лет, в мой трудный возрастной период, я стал видеть отца еще реже. А причина тому была довольно проста и очевидна: у отца родилась вторая дочь от жены Пенни.

А что я? Ну а я, собственно, отошел для него даже не на второй, а на третий план, если не дальше. Я автоматически стал отцу не нужен, хоть и был первым и единственным его сыном.

Чувствовал я сердцем, что не нужен. И мама моя эту правду чувствовала, но не хотела обижать меня, а потому убеждала, что я не прав и что отец меня любит больше всех его детей, потому что я первый и единственный его ребенок, зачатый в любви, а не в браке по расчету, как со всеми последующими.

Несмотря на мамины пламенные речи, на практике дела обстояли не так радужно, и кичиться собственной важностью из-за того, что я первенец и единственный наследник дела Норват, надеяться, что отец никогда не оставит меня, не было никакого смысла. Вернее, он был. Когда-то. Но постепенно этот смысл все отдалялся и отдалялся, пока стал для меня недосягаем.

Помнил отец о моем существовании после того времени, правда, недолго, и на том спасибо, что вообще не забыл, что у него сын имеется. После того, как обзавелся третьим ребенком, отец ушел в запой и загул на целый месяц. Его не было видно, не было слышно. Отец, сложно назвать его отцом за такое, даже пропустил мой день рождения. Настолько он был занят собственными развлечениями, что вспомнил о главном через неделю после праздника.

И то, лучше бы он не вспоминал... Пришел весь помятый и с перегаром, подарил что-то там несущественное, чтобы отделаться от меня и мамы, посидел несколько минут с нами, и уперся гулять снова.

Но могло же у нас с отцом быть все иначе, по-хорошему, по-человечески... Он ведь не безнадёжен. Если бы не Пенни, женушка его законная, и не ее выродки-дочки, мы с мамой давно бы познали простое человеческое счастье, которого нам и впрямь не хватало. У нас была бы семья в обычном смысле этого слова. Полноценная, настоящая семья, как у всех. А не вот это все...

Правда, отец намеревался разводиться за год до рождения второй дочери, и мы с мамой бескрайне обрадовались той новости, что он освободится от дебилки-жены Пенни и придет к нам, и тогда мы все заживем той самой полноценной семьей. А я, наконец-то, почувствую, что у меня действительно есть отец, а не его деньги. Почувствую его присутствие, его поддержку...

Но отец, к нашему с мамой превеликому огорчению, не развелся с женой Пенни.

Зависть и вседозволенность окончательно поселились в моей душе и сознании как раз тогда, когда отец, резко изменив свои планы, на которые мы с мамой так надеялись, совсем отдалился от нашей семьи.

Мама моя однажды, доведенная до слез из-за него же, произнесла одну жуткую вещь, что отец бросил ее беременную, и это случилось как раз тогда, когда мама была на мели. Это было очень давно. Мама жила впроголодь почти два года, пока отец не созрел и не явился, чтобы взять на себя ответственность за воспитание меня. Но мама ему уже не была интересна, как женщина. Поезд ушел, у него была другая баба. Мама, кстати, никогда не держала на отца зла и почти смирилась с тем фактом, что он подлец. Она еще тогда сделала отцу своеобразную поблажку, скидку на возраст дала и простила его, поскольку отцу, когда я родился, было всего шестнадцать лет. Не предусмотрел мой отец, что случается, когда трахаешься без контрацепции, не подумал о последствиях и узнал о моем существовании лишь тогда, когда мне исполнился год.

Я же, после того откровенного разговора с мамой долго не мог отойти, не раз прося ее вновь и вновь вспоминать моменты из тяжелого прошлого. Мама с охотой рассказывала о своей

жизни, а я слушал, с тоской и грустью мозговал все это и никак не мог осмыслить, почему отец, если почувствовал вину перед нами и признал меня своим ребенком, женился на другой женщине, а не на маме. Он же вернулся, да и Пенни не любил никогда, маму мою любил, но почему-то разлюбил. Так почему он не с мамой живет, если не любит обеих?

Маму мою зовут Елена, и она – святая, несчастная женщина, которой очень не повезло. Да, она живет в богатой среде, ни в чем не нуждается, но это как раз тот случай, когда деньги не приносят радости. Она самая настоящая мученица. Она ни с кем не имела отношений, кроме моего отца. И детей у нее, кроме меня, нет.

Не мог я уяснить ту странность и годами пытался понять логику поступков отца, почему он, с завидным успехом обрюхатив сразу двух баб, выбрал себе одного ребенка, другого ребенка, Линду, а не меня.

Пробовал ли я что-то изменить? Это был бы не я, если б не пробовал. Несколько лет тщетно пытался убедить маму в том, что они с отцом должны быть вместе, ведь это неправильно, что он бегаёт на две семьи. И там он, и тут, а в итоге получается, что те его дети знают, что папа с ними рядом, могут поделиться проблемами, попросить внимания, а я нет. В конце концов, мы с мамой первые, кто у него появился, а это значит, нам все внимание и богатство должны перепадать в большей степени, и папа в целом положен только нам, а не Пенни, его нынешней жёнушке и маминой бывшей подруге. Она подставила маму когда-то давно, подвинула её и нагло соблазнила отца. Тот повелся, да ещё и деду был выгоден этот брак. В итоге, Пенни пришла на все готовое, ничего не строя и ничего не предпринимая для этого.

Мама моя, казалось, тоже разделяла мое мнение насчет воссоединения их с отцом, а потому хранила ему слепую собачью верность. Однажды, правда, когда я убирался, на глаза попались старые фотографии с мужчиной в военной форме. Дилан Драч, так его звали, или мамина первая любовь, не считая моего отца, от которой она была вынуждена отказаться, чтобы отец не бросил меня на произвол судьбы. В тот момент она пожертвовала своим счастьем, чтобы я ни в чем не нуждался.

Я видел, как маме тяжело быть одной, без мужского плеча рядом, без помощи, без ласки, как горько плачет она ночами; я знал, какие желания она загадывает в каждый церковный праздник. Да, я искал способы, чтобы помочь ей, но с отцом эти темы невозможно было обсуждать: он все время переводил разговор или вовсе отмалчивался, с дурацкой ухмылкой пожимая плечами и сетуя на гормоны, которые, ввиду циклических изменений в организме женщины, иногда одолевают мою маму, и оттого она становится плаксивая и несносная.

Неисправная мама моя, короче, подтекает периодически. И в этом нет ничего удивительного. Мол, все женщины подвержены истерикам без повода.

Вскоре, после нескольких таких неудачных попыток открыть душу тому, у кого вообще нет души, я решил, раз уж отец у меня донельзя грубый, своенравный и до тошноты эгоистичный мужик, который принципиально или ввиду вечной занятости не слышит ни меня, ни маму, которую он обязан на руках носить за то, что подарила ему сына, и не хочет понимать по-хорошему, начну и я привлекать к себе внимание молча, но эффективно. Действиями и плохими поступками пытался достать его за живое. Не для того, чтобы наши с отцом отношения, и без тех попыток висающие на волоске только потому, что мы родственники, испортились окончательно. Вовсе нет. А для того, чтобы отец понял, как мне не хватает его, как хочется иметь полную семью, и чтобы мама моя была счастлива и перестала печалиться. Мне ведь больно видеть ее слезы.

Я люто возненавидел дочерей отца, принципиально не считая их своими сестрами, желал им смерти и выкрикивал либо нашептывал проклятия при каждом удобном случае, который нечасто, но выпадал. Перестал учиться, стал прогуливать уроки, в итоге появились двойки, начал гулять допоздна, редко, но метко не возвращался домой, связался с плохой компанией. Взывал к отцу молча, достучаться до его человечности хотел, взывал всем, до чего доходила

моя фантазия, которая оказалась не так безгранична и плоска, как предполагал. Буйствовал и устраивал истерики перед мамой и перед ним, дебоширил, хулиганил. По-страшному вел себя, если быть честным.

Мои поступки оставляли желать лучшего несколько лет подряд, и мама моя очень переживала за меня и мое будущее. Она говорила, что я сяду в тюрьму и кончу там, ничего не добившись, если не образумлюсь сейчас, пока не стало слишком поздно.

Но я-то знал, что не сяду в тюрьму, потому что я Норват, и активно этим пользовался. А у Норватов много денег и много связей.

Меня поначалу забирали в полицию на часок-другой, поскольку я, не имея теперешнего опыта, частенько попадался на местах, где хулиганил, а отец, хоть и ворчал, все равно отмазывал меня. Правда, это происходило всего несколько раз, а потом, после того, как мне исполнилось шестнадцать лет, отец отчитал меня знатно и заявил, что теперь я сам буду отвечать за свои поступки, потому что ему поперек горла стою я и мой переходный возраст.

А еще заявил, что больше он вытаскивать из передрыг меня не будет.

И ладно, подумал я тогда. Его помощь мне была уже не нужна, ведь к тому времени я почти научился действовать по-тихому и не оставлять следов.

Больше меня не ловили.

В конечном итоге, мне стало все равно на отца и его безразличие. И я твердо вознамерился сделать так, чтобы он стал моей тенью, чтобы обо мне трезвонили отовсюду, как о большом человеке, а не о нем. Чтобы меня боялись и уважали, а про него забыли. Майкл Норват и его слава просто обязана кануть в небытие, ведь на его смену уже готов представитель следующего поколения.

Я ведь поставил себе цель стать совершенным негодяем, и вот упорно иду к ней, карабкаюсь медленно, но верно. А главное, этот процесс, с одной стороны, страшный, а с другой – до смерти увлекательный, поскольку никогда не знаешь, насколько далеко зайдешь, уже необратим. Я даже если захочу, уже не стану лучше, потому что сам себя слепил такого. И мне нравится результат моих стараний.

Последним испытанием над собственной совестью, которая после того случая забилась в угол и там сдохла от голода, стал незабываемый день, когда я лишился девственности.

Причем, не с кем-то там, а с самой Пенни, женой отца в пределах семейной ячейки аристократов Норват, а за пределами семьи – отъявленной шлюхой, которой все равно, с кем и как, только бы трахал. Появление Милли, второй дочери моего отца, наслоилося на период его запоя и праздных гулянок. Это было тяжелое время, отца невозможно было застать дома. Он не приходил к нам с мамой, не бывал дома. Точкой кипения стало то, что родной отец не поздравил меня с днем рождения. Я пошел к нему домой, потому что телефон его был выключен. А там Пенни. Пьет в одиночестве, хнычет, миленькая такая, жалкая. Жалуетса, что муж ее бросил, а дети ее сами по себе, где-то на втором этаже лазают. Пенни на них плевать с высокой колокольни, а особенно, на младшую, которой и месяца на тот момент не было. Выпила залпом, крикнула Линде, чтоб та заткнула малявку Милагрос, а сокращенно Милли, названную так старшей сестрой в честь ее любимого сериального персонажа. Но никто не звал Милли Милагрос, даже сама зачинщица сего экзотического эпатажного издевательства над ребенком, рожденным в Сербском городке.

А хотя, речь же о семейке Норват... Здесь каждый зовется экзотически и каждый волшебный на всю голову, так что волноваться особо не о чем.

Пенни улыбнулась мне, вальяжно разместившись на диване и раздвинув полы шелкового халатика, чтобы я имел честь посмотреть на ее отменные ножки. Ну и мне налила вина, споила, разумеется, а затем сразу же полезла приставать. А я, как парень, у которого бушевали гормоны и которому никто на тот момент не давал, не смог противостоять соблазну.

Я ее трахнул. Трахнул жену своего отца. Как это подло по отношению к нему. Ну и ладно, главное, что я любим и желанен. Если не им, то хоть кем-то.

Пенни, правда, получила от меня оплеуху, сказав после секса, что мне еще многому предстоит научиться, чтобы достичь небывалых высот отца, и, если я хочу привлекать девушек, чтобы те липли на мой член, как мухи на мед, должен много практиковаться и зарабатывать навык их совращать и заставлять течь от одного только взгляда хищника. А еще Пенни добавила, что с превеликой охотой поможет мне в этом нелегком деле, обучит нескольким приемам сводить девушек с ума. А свое предложение обосновала тем, что она не чужой мне человек, все-таки, и отпустила домой.

На следующий день Пенни, протрезвев, позвонила мне прямо с утра и попросила никому не распространяться о том, что между нами произошло вчера.

Я тоже, как и она, пребывал в шоке и забеспокоился, как теперь отцу в глаза смотреть. Но Пенни меня успокоила и предложила встречаться тайно и в крайнем случае, когда мне или ей совсем неведомо будет без секса, чтобы отец ни о чем не заподозрил и не застукал нас на горячем. Она убедила меня, что в моем поступке нет вины и нет подлости, аргументируя тем, что мы, Норваты, все неправильные, от мала до велика, и были таковыми во всех поколениях. У каждого из нас в голове сидит если не пуля, то противотанковый снаряд, а старшие Норваты, отец и дед, поделившие между собой, походу, целый склад этих пуль и снарядов, сами же и основали беспредел в виде уютной семейной мафии вперемешку с пыточками и порабощительными замашками, чем сознательно опорочили нашу фамилию. Что дед, что отец – помешанные на бабах, власти, поиле и антраците, мужланы, говорящие на жаргоне, поскольку большую часть своей жизни, в особенности, отец, провели под землей, занимаясь добычей антрацита. Вот и все, что их по-настоящему интересует в жизни. Никаких светлых ценностей, касательно рода Норват, там нет и не было.

Такие вот мы, Норваты, уродились

То ли гены у нас набекрень, то ли наследственные, требующие прогрессивного размножения проблемы с психикой, потому что мы слишком озабочены и больше напоминаем зверей, чем людей. Даже дед долго и нудно распинался о пошлой теории хищника, как истинной сущности любого из рода Норватов. Бабу, по его наставлениям, надо выбирать, включив обоняние, а не здравый смысл. Но это его личный бред, в который нормальному мне с трудом верилось, и проверять эту теорию на практике не возникало желания.

Я всегда знал, что отличаюсь от своей идиотской семейки в лучшую сторону, тем и довольствовался, что я не такой, как они, но молча.

Впитывать столь горькую правду о родне от кого-то, а тем более, от шлюхи Пенни, было стыдно и неприятно, но приходилось, ведь, как известно, родителей не выбирают. А то, что любовь и секс – совершенно разные, а главное, не всегда совместимые вещи, я и подумать не мог. Мама учила меня прекрасному, говорила, что мир построен совсем иначе, а вот Пенни это прекрасное с легкостью разрушила. Разворошила в моей голове все хорошее, подчистила ненужное, удалила сопляческие теории, а вместо этого загрузила в меня программу морального самоуничтожения, чтобы место в мозгах за зря не пустовало. Только я не догадывался, какие последствия от этой программы будут, в каком дерьме я окажусь.

Я думал, что так и надо жить, а потому принимал учения Пенни, как данность. Какое-то время, правда, достаточно короткое, она была мне ближе, чем кто-либо. Даже наивная и добрейшей души человек, добрей которого я не встречал, то есть, мама с ее вечно трепещущим несогласием и попытками переубеждения, стоило мне только заикнуться, что папа у нас не самый лучший в мире, перестала быть для меня авторитетом. Особенно после того мерзопакостного, что я мало-помалу узнавал об отце от Пенни и общих знакомых. С миру по нитке, как говорится, и соткалась довольно весомая история о том, какой на самом отец с другими людьми, и сколько он невинных жизней уничтожил только ради забавы за пределами, казалось

бы, уютного семейного мирка Норват. Пенни открыла мне глаза и сказала то, о чем мама не призналась бы никогда.

Мой отец, если подвести мой собственный итог, – жестокий ублюдок, который, на удивление, к сорока годам остепенился, но перед тем, как стать примерным семьянином во всех смыслах, он вознамерился и гордо пошел по тропе войны, переступив даже через меня и забрав то последнее, что удерживало во мне некое подобие человека. То хорошее, что всегда оставалось во мне в виде зерна, зародыша, и оно могло себе прорасти, если бы отец так надменно не растоптал это последнее. Он сам захотел биться насмерть, я на то не подстрекал. Даже отговаривал его, просил, требовал, но отец был непреклонен. Он как стоял на своем с самого начала, так и продолжал стоять.

А яблоком раздора между нами стала, как ни странно, простая, ничем не примечательная молодуха, девушка, которая пришла из ниоткуда, и которая вскружила голову и мне, и отцу. Настолько вскружила, что я потерял самого себя, а отца и вовсе стало не узнать. Та, что стала любимой для одного, а единственной – для другого, оказалась не такой уж и идеальной. Она и ее улыбка, ее волосы, ее губы и глаза иссушили меня, превратили в ничто, готовое пресмыкаться у ее ног, готовое уничтожить всех, кто встанет на моем пути обладать ею. Эта слепая, безжалостная любовь, свела с ума и сделала меня, в буквальном смысле, трупом.

Но обо всем по порядку...

Глава 1

Наркота наступает со всех сторон, секс – наша броня.

Хотите обязательств?

Наденьте свой лучший костюм, обвейте свои руки вокруг меня,

Мы идем в отрыв, отрыв, отрыв...

Marilyn Manson, «Mobscene».

– С днюхой тебя, красавчик-синеглазик! Раста большим, умным и сексуальным. – шепнула мне на ухо одна из девиц для развлечения, которых мы с пацанами сняли, чтобы нам не скучно было время проводить.

Девушка, не раздумывая и не стесняясь, что это может кто-то заметить, следом за поздравлениями кокетливо улыбнулась и просунула руку с длинными ногтями алого цвета ко мне в джинсы, наглым образом щупая все, что там было упрятано от посторонних глаз. Надумала меня заводить, негодница, уже ее потянуло на непристойности, не успели и до нужной кондиции дойти.

Еще бы не потянуло!

Шампанское, которое она пила, с волшебными ингредиентами смешанное, которые неминуемо настраивают на любовный лад, притом, дичайший. Понимаю и представляю, как ей хочется, чтобы ее чесотку уняли, бедняжке.

Ну ничего, пусть подождет еще, я пока не хочу. И не знаю, захочу ли вообще. Дело до расслабухи в моральном и физическом плане все никак не доходило, и это потому, что меня, несмотря на столь важный день, праздник, мой день рождения, как назло, терзали угнетающие мысли. Гневные, депрессивные думки, с которыми я никак не мог расстаться, не мог отвлечься ни на что другое, как бы не старался и сколько б не закидывался.

Грустил и просто мацал сексуальную и притягательную девушку за худую коленку, нарочито раздумывая о своем наболевшем и слушая музыкальные треки в стиле «дип хаус», которыми была пронизана атмосфера праздника.

Короче говоря, погрузился в себе и в тягостях воспоминаний конкретно.

Чем больше я так делаю, при этом, тщетно пытаюсь отвлечься женскими прелестями, тем больше понимаю, что эта, с виду милая девушка, блондинка точеная, пышногрудая, попастая, меня неистовым образом бесит все сильнее и сильнее, хоть она и голая уже практически, и делает все, как я люблю. Но...

Прибить ее хочется и приласкать одновременно. А все это потому, что она блондинка. Это сумасшествие происходит в голове по причине давней обиды и неисполненного желания.

У меня развита паническая ненависть наравне с неистовым желанием присвоить и подчинить себе именно блондинку, и развита эта двойственность довольно давно, еще со школьных времен. Была у меня одна история в те времена, неприятная и болезненная. Влюбился я как-то в деваху из параллельного класса, шикарную блондинку, знающую себе цену. Она нравилась многим в школе, очень многим, а я же буквально страдал без ее внимания. Не ел, не пил, не спал, с ума сходил, подходы искал, готов был на все ради нее, а она не замечала меня в упор. Моя неразделенная любовь настолько измотала мой мозг, что, благодаря ей я пережил нервный срыв и сильный психоз в подростковом возрасте. Пережил, но не совсем. Осадок горький остался, как и маниакальная тяга к блондинкам преследовала по пятам. Не любить их хочу, а поработать. Чтобы все они мне принадлежали и все прислуживали.

Как и остальные купленные шалавы, эта сидит в лифчике и трусиках. Единственное, что в этой девушке забавляет меня и не дает рукам распусться и давануть ей хорошенько по загрызку, так это то, что сиськи у нее отменные. Но этого слишком мало, чтобы поднять

мне настроение; крайне недостаточно, чтобы, наконец, ощутить то очевидное, что сегодня мой день, и только мой. День, когда я стал совершеннолетним. Сегодня все должно плясать и зажигать ради меня. Все должно вертеться возле меня, и все это и так есть.

Надо бы радоваться своему личному празднику, ведь совершеннолетие бывает раз в жизни, и этот день рождения просто обязан запомниться на всю оставшуюся жизнь.

Все четко было запланировано мной заранее, чтобы надолго уйти в отчаянный отрыв, улететь из реальности и ни в чем себе не отказывать пару дней как минимум. А так как карты лягут. И если отец подсуетит еще денюжат.

Но эта компашка, мои товарищи и легкие на передок бабы, равно как и угнетающая музыка, начинает не по-детски напрягать.

– Уже вырос. – бросил я заботливой проститутке без всяких эмоций в голосе и на лице. – Хочешь проверить, на сколько сантиметров, курочка?

– Вообще-то, хочу. – продолжала телка отвечать мне в ухо.

Еще бы она не хотела, ведь в шампанском, которое она глотает, как газировку, подмешаны возбуждающие таблетки в довольно большом количестве. Моя идея была устроить вечер очень горячим и без всяких пределов.

Сегодня мой день, а это значит, можно все, даже то, что запрещает такая вредная штука, как закон.

Девкам шампанское с любовной начинкой, а мы по пиву с пацанами, чтобы расперло на отлично. Ну и, кто хочет травки побольше, ее полный вагон.

– Сколько тебе исполнилось хоть, милашечка?

– Столько, когда стало абсолютно все разрешено, солнышко. – я так сказал, назвав любящую денежки и потерявшую гордость девушку ласково вовсе не потому, что она мне приглянулась. Солнышками у меня были все девки, кто обязан оказаться подо мной если не сегодня, то в скором времени. Их я сам себе выбрал, пометил, назвав солнышками, а теперь оставалось дело за малым. Развести. И пока что ни одна солнечная девица мне не отказала. – Немного подожди, и начнешь измерять мои сантиметры всеми своими отверстиями.

Я подмигнул девице и, лениво распластавшись на диване, неторопливо затянулся косячком.

Не так давно подсел на это дело, но достаточно плотно подсел. Так сразу и не соскочишь, даже если и захотел. Поначалу это было круто, я чувствовал, что наркотик внес неоценимый вклад в мое безутешное состояние души. Ну я как-то, было дело, сидел грузился, ну и попробовал разок по совету кента, потом другой разок, а потом еще и еще. В итоге, втянулся и перестал воспринимать мир без этой штуки. Думал, не втянусь, редко буду употреблять всякие растительные порошочки для настроения, и все будет пучком. Волноваться не о чем, это ведь всего лишь какая-то трава, а не кокс. Да и я не какая-то тряпка безвольная, захочу и перестану употреблять, сила воли есть.

Но на практике дела обстояли не так безоблачно и совсем не пучком, как предполагалось в моей собственной теории. Уже и не представляю дня без наркотического допинга, разного, выбираемого под сугубо личное настроение. Этот наркотический допинг без труда, так легко и радужно разукрашивает мой внутренний мир, меняет сознание и отлично расслабляет голову, увлекая от насущных проблем, но только в том случае, если не переборщишь с ним. Иногда он грузит, и после накурки становится еще гаже, чем было, правда, это ерунда по сравнению с колоссальным эффектом, когда тебя прет.

Дал я себе такое обещание: пока не найду себе музу, девушку, которая будет вдохновлять меня на рыцарские подвиги, пока не влюблюсь по-настоящему и пока не полюбят меня, буду довольствоваться вспомогательными веществами, которые позволяют существовать в сером и совсем неинтересном мире. Как найду ее, ту самую, так сразу и соскочу.

Чего я только не пробовал из легких наркотиков и потяжелее, но твердо знал, что на героин, что чистый, что с примесями снежка или фена никогда не решусь. Вмазываться по черному – удел не для меня, ведь я не конченный нарик, и никогда не опущусь до такого состояния. Да и уколов боюсь с детства, так что мне страшное будущее героинщика не грозит. А так веселенького хапнул немножко, раскурил, и никаких проблем, суета отходит на второй план, а вместо нее появляется умиротворение и какое-то чувство сродни подобию внутренней гармонии, то есть, согласию души и тела. А так бы лучше вообще не просыпаться, чтобы не видеть ту гнущую и неискренность, что круглосуточно вертится вокруг меня, изо дня в день мозолит глаза, из года в год.

Для того этим занимаюсь, чтобы не чувствовать грусти и тоски по нормальной жизни, которой у меня не было, нет и похоже, что не будет. Уже и не надеюсь на то, что стану перспективным юристом, потому что интерес к учебе пропал, так и не успев начаться. Меня, Алекса Норвата, сына известного человека, не пощадят и вот-вот исключат из университета.

И это надо было умудриться так налаживать на первом курсе... Уйду оттуда, а куда дальше, чем заниматься, вообще не знаю. Ничего не хочется делать, обременяться работой и семьей неохота. Лучше жить в свое удовольствие и не меняться, не подстраиваться под обстоятельства. Благо, возможности семьи позволяют мне не работать, а отцовских денег хватит, чтобы вообще никогда не работать.

К отцу на шахту я ни-ни, потому и придумываю себе странные занятия, чтобы избежать той незавидной участи связать собственную жизнь с углем. Отец по настоянию деда водрузил на себя шахту, кинул этот тяжкий труд на свои плечи, хоть и ненавидел эту работу и это место с детства. Он мечтал стать музыкантом, но не стал. А я, в отличие от отца, более независим и не стану плясать под дудку своей родни. Не нужно мне шахтой заниматься. Когда отец умрет, я ее просто продам. Неизвестно, правда, кто быстрее сыграет в ящик, я или мой отец. Сдается мне, что он переживет меня и остальных своих детей, вместе взятых. Ничего его не берет, проходимца такого. Даже зараза к нему не липнет.

Я не завидую и совсем бы и не прочь сдохнуть поскорее, да вот мать жалко. Не могу ее оставить одну. На отца гуляющего и живущего своими наслаждениями, никакой надежды нет.

Да и была ли она когда-нибудь, та надежда на папочку? Я единственный мужчина в своей семье, в которой отец – всего лишь редкий гость, который приходит, чтобы дать денег.

Как хорошо, что мой день рождения проходит далеко от города. Никто из предков не позвонит и не заставит возвращаться домой до одиннадцати вечера. Они предоставили мне полную свободу действий, а столь редким шансом просто грешно не воспользоваться.

– Алекс, тут такое дело, брат... У нас пойло кончается.

Муратик, мой заморский товарищ из зажиточной семьи, оставшийся со мной в друзьях еще со школы, а ныне напарник по ходкам за приключениями, да и просто уматный пацанчик, с которым у нас во многом сходятся взгляды, подсел рядом со мной и девицей и заворчал с типичным для его национальности акцентом, который он тщетно пытался искоренить в себе.

– Вах, эти лошади выжрали почти все шампанское, а у них ни в одном глазу! Давай еще, говорят. – продолжал гневаться он. – Вот же глотки луженые нам попались, не напоить их просто так. Надо было других брать, менее прожженных, которых Малик нам предлагал, а эти быстрее нас спать уложат, чем сами накачаются...

– Не кипешуй, брат. Все под контролем. Не уложат нас, Муратик. Мы с тобой стойкие. А те, что у Малика в хозяйстве, бесполезные, по крайней мере, их подавляющее большинство. Я как-то слышал от знакомого, что Малик нечестный тип. Толкает плохой товар за высокую цену, а за хороший погибает так, будто за элиту. Хочешь кайфануть? – я предложил ему сигаретку, которую курил сам. – На, бери, полегчает. Отвечаю, трава улетная.

– Нет, Алекс, я этим делом не балуюсь, ты же знаешь.

В этом увлечении Муратик меня не понимал, потому как не признавал наркотик ни в каких его видах. В его семье, сугубо традиционной, травка и другие наркотические вещества с подобным действием запрещены по религиозным соображениям.

Муратик у нас верующий парниша, однако, после наступления темноты он с завидным остервенением придумывает и вытворит все, что запрещено не только его верой, но и остальными, кроме, разве что, сатанинской. Но вот с травой Муратик пока знакомиться не хочет. Ну и ладно, это его личное дело, пусть будет правильным хоть в этом. Мы и так с ним на одной волне пребываем большую часть времени, которое проводим вместе. А значит, это не принципиально.

Но сейчас Муратик слишком суетной, в отличие от меня, спокойного, как удава. Депрессивного удава, готового взять и задушить кого-нибудь от тоски и скуки.

– Так что делать будем с шампанским? – продолжал Муратик сгущать тучи, заставляя меня думать о насущных проблемах и раздражаться. – До магазина пидорить несколько километров, а там ливень стеной стоит. Может, попросим баб сгонять по-быстрому, чтобы самим не мокнуть? А мы скинемся на шампанское и на то, чтобы доплатить им за поход?

– Ну что ты, Муратик! Родненький мой, разве можно девушек гонять за пойлом, да еще и в ливень? – я тихо рассмеялся, вальяжно покачивая ногой. – Так не поступают настоящие джентльмены. А мы с тобой джентльмены. Лучше пустим их по кругу, когда вернемся. – немного помолчав, я скрипуче добавил, расплывшись в пьяной улыбке и размеренно проговаривая при этом каждое слово. – Пойдем за пойлом вдвоем, я плачу, никаких «скидываться». Дуну вот только, и пойдем. А лошади пусть заливают свои глотки, потом мы им зальем в их же глотки другое шампанское, белое и густое. Правда, кобылка? – обратился я к девке, которая к тому времени уже джинсы мне умудрилась расстегнуть, причем так аккуратно, что я этого даже не заметил. – Ждешь не дождешься сладенького? На, докури. Потом, когда приду, станцуешь для меня кадрили на битых стеклышках. Ты ж на все готова ради денег. Раз подписалась развлекать меня всю ночь, вот и будешь стараться, чтобы меня развеселить. Детка-детка... – растянул я и потрепал ее по щечке. Мне и впрямь захотелось поглазеть на ее страдания. Думаю, подобное зрелище хорошенько позабавит меня. Крови хочу. – Попала ты, что тут сказать. А сиськи у тебя безумные красивые. – следом отдал ей косяк, а потом поглядел на Муратика и поднялся с дивана. – Пошли, друг. Будем спасать народ от засухи.

Глава 2

*Холод и пустота в улыбке ее.
Она стоит на пути в небытие.
«А ты из совершенного мира.
Мира, который гонит меня сейчас.
Сейчас должна бежать...»
Marilyn Manson, «Coma White».*

Вышли мы с Муратиком из магазина с ящиками бухлишка, иначе говоря, с приятной ношей в каждой руке, как тут к нам пристали двое полицейских. Лыбятся на нас пытливо, ожидают, что им что-то дельное перепадет. Развести на деньги хотят, однозначно.

Я даже не успел натянуть на голову капюшон, чтобы не намочнуть и не испортить зачетный хаер, который начесывал на себе битый час, а тут они нарисовались. Ливень льет как из ведра, и этим двум прилипалам не сидится без дела. Поохотиться вышли, бабок срубить. Ну посмотрим, поглядим...

– Предъявите, пожалуйста, ваши документы, молодые люди. – вполне вежливо заявил один из полицейских, который был постарше и потолще.

– А в чем, собственно, проблема закралась, командир? – я, надменно качнув головой, посмотрел на каждого из полицейских поочередно, после остановившись на том, который заговорил первым.

– А что глаза красные? – едко высказался другой. Тот молодой, зеленый еще и, по всей видимости, дюже борзый. Не обламывали его ни разу не показывали более властный кукиш. Сейчас нюхнешь сполна, касатик.

– Обдолбанный ты, что ли, пацан?

– Нет, уставший. А ты че, не устаешь, что ли? – грубо рявкнул я в ответ на его попытки меня спровоцировать на грубость. – Ночь на дворе вообще-то. Все люди спят, а мы вот отпахали смену и домой возвращаемся.

– Давай-ка документы, умник. И ты свои давай, бородач. – хамским тоном обратился молодой полицейский ко мне, а затем перешел на прессинг Муратика, который в этот момент стоял столбом и молчал.

Муратик, как и всегда было, сел в лужу. Сыкотно ему стало, а мне, как активисту и массовику-затейнику, поскольку тащиться за бухлом в дождливую ночь было именно моей идеей, и отдуваться за двоих теперь придется. Ну ладно, где наша не пропадала... И не так встречал. Это всего лишь ерунда по сравнению с тем, из чего я уже выкарабкивался, надо бы отметить, чудом.

– Посмотрим, где шпана смену отпахивает. Небось, ларек обчистили, а теперь за лохов нас держат. Давай документы, сказал! – поторопил меня молодой, указав на резиновую дубинку, которая пока что висела на его поясе.

– Держи, командир. Только читай внимательно и неторопясь. По буквам.

Полицейский, который постарше, глянул на меня косо, а когда я, поставив ящики бухла на землю, достал паспорт из потайного кармана толстовки и протянул ему, он с любопытством и некой заносчивостью прочел вслух мое имя.

– Александр Норват. Это случайно не тот Норват...

Опа, и тут он замешкался... Ртом воздух глотает, выпученные глазки по сторонам бегают, а сказать ничего не может.

Обожаю, когда они так делают. Каждый раз смешно с их реакции, и это зрелище не перестает умилять и никогда не надоест вообще.

– Да-да, тот самый Норват. Других таких нет, насколько знаете. Все, посмотрели? Давайте сюда, я спешу.

Я выдернул из рук полицейского свои документы, спрятал их и потянулся за бумажником в задний карман джинсов. Надо бы им отсыпать деньжат, чтобы без всякого терроризирования мозгов на тему вреда алкоголя отпустили и папе не позвонили. Жалко мне их что-то, выглядят как два кошечки.

– Извините за беспокойство, господин Норват. Мы приняли вас за другого человека. Пошли отсюда. – скороговоркой сказал полицейский молодому, развернулся и засеменил прочь. Второй последовал его примеру и, как собачонка, безукоризненно выполнил команду старшего.

– Ничего страшного. Приятного вечера. – кивнул я напоследок и оставил бумажник лежать в кармане.

Получив напутствующий пинок, эти двое поспешили нас покинуть. Да так поспешили, что даже денег не взяли, а жаль. Я бы дал им несколько крупных купюр, а потом отцу на них настучал бы за то, что они деньги вымогают у честных людей. То есть, у меня, несчастного.

Популярность – такая вот нужная штука, всегда полезная и, порой, незаменимая. Никогда не знаешь, в какую ситуацию попадешь. А я сейчас действительно обдолбанный, переборщил слегка с наркотой, и теперь борюсь с тошнотой и ужасной апатией, а еще с непреодолимым желанием опустошить мочевой пузырь.

Последнее сильнее меня. Надо бы исполнить это желание, пока в штаны напором не дал.

Если бы не эти двое придурков, я бы совсем приуныл. Они спасли меня от тоски. Нет худа без добра, как говорится.

– Как у тебя это вышло, брат? – спросил меня Муратик, как только полицейские повернули за угол. Наверное, он хотел узнать, как это действие снова и снова прокатывается.

– Фамилия у меня страшная. Ты же знаешь, брат. Пойдем туда, отлить хочу. – кивком головы указал на закуток между домами в нескольких метрах от магазина и взял ящики с бухлом.

Завернули мы туда, в этот чертов закуток. Я расстегнул штаны и только потом заметил, что в углу кто-то сидит.

Девушка.

Зашуганная, мокрая.

Что-то в ней есть.

Свернулась калачиком и таращится на меня своими огромными глазенками.

За малым струю не пустил ей в лицо, вовремя успел направить немного в сторону. Как хорошо, что я ее заметил.

Вот те раз... Так знакоюсь впервые.

– Как дела, красотка? – спросил ее, пока справлял нужду. Стерпеть не мог, очень сильно придавило, и отвернуться тоже не вышло. Если б смог, не выглядел бы таким застенчивым и не вел себя, как дурачок. Но мне пришлось. – Извини.

– Ничего. Я не смотрю. – изможденным полупшепотом произвела она и опустила глаза.

– Как тебя звать-то? – только застегнул ширинку, я посветил на девушку телефоном, разглядывая ее теперь уже более внимательно. Очень странная на вид, но что-то особенное в ней есть.

– Сара.

– Сара? – имя ее удивило меня еще больше. Она выглядит местной, но имя для наших краев экзотическое. Вероятно, так она называет себя, для своих и чужих у нее разные имена. Но незачем мне докапываться до того, как ее по паспорту. Пусть хоть кем будет. Ее право. – Интересное у тебя имя. Я Алекс. Пойдешь со мной, Сара?

– Пойду. Зови меня Паутиной, если хочешь. Меня так все зовут.

Ошибся малость. Ее на самом деле зовут Сарой. Значит, она доверяет мне, раз назвала свое настоящее имя. Как это льстит.

– Я не все. Вставай, Сара.

Девушка подскочила с земли и, пошатываясь, подняла на меня взгляд. Дикий, испуганный, впалый, с болезненной безуминкой. Той безуминкой, которая мне показалась знакомой, но не в той степени, которая посещает разум, когда испытываю желание чем-нибудь таким запретным закинуться, чтобы поскорее убежать от реальности.

Более тяжкая та безуминка в глазах Сары, непосильная, обременительная, напоминает легкую стадию агонии. А может быть и такое, Сара держится, чтобы не показывать на людях, как хреново ей на самом деле.

Пока разглядывал ее, думал и все больше мне становилось не по себе. Маленькая Сара какая-то, высушенная, ростом ниже меня на две головы, вся хлипкая и дрожащая, как листок на ветру.

Сделав шаг по направлению ко мне, ноги ее подкосились, и она упала на землю.

Совсем ослабела и замерзла, бедняжка.

Мне стало безумно жаль эту девчушку. Я просто обязан забрать ее отсюда, согреть и покормить. Должен помочь этой несчастной мученице и разузнать, что с ней приключилось.

Несмотря на то, что я тоже не в себе сейчас нахожусь, перехапал же на радостях по поводу дня рождения, и то сообразил, что с ней что-то нехорошее случилось, и чувствовал, что теперь проблемы этой девчонки – сугубо моя забота. Сара на улице сидит, в дождь, совершенно одна. Значит, ей некуда идти, и денег у нее нет, чтобы снять хоть захудалый номеришко в придорожном отеле и перекантоваться там денек-другой.

Может, Сару обокрали или чего похлеще сделали? Выглядит она, как ходячий труп. Даже не ходячий, ноги ее шуплое тельце не держат. Да и как тут удержат, костлявая она вся. Килограмм сорок весит, не больше. Я худой донельзя, а она еще худее.

Анорексия ее второе имя. Третье. Второе – Паутина. Дали ей такое погоняло из-за прозрачности тела, судя по всему.

Дело тут не в краже, а в чем-то более существенном, смекнул я. Судя по одежде, старой и потрепанной, у Сары денег не было отродясь.

Значит, с ней произошла какая-то трагедия.

– Зачем она нам нужна, Алекс? – Муратик, громко бунтуя, приблизился ко мне, покрутил у виска, а потом указал на Сару жестом, намекающим на то, что он возмущен до предела, и попытался оттянуть меня от Сары подальше. – Тебе проблем мало в жизни? Еще эту тебе надо на свою голову?

– Посмотри, брат, ей же помощь нужна. Я не могу бросить ее здесь.

Не стал я слушать друга, брата. Он не понимает всей серьезности сложившегося положения. В плане этого Муратик похож на моего отца. Ни грамма жалости к людям. Будет кто-то взывать к ним, умолять, заклинать, а они переступят через него и пойдут себе с гордо поднятой головой.

Жестокие они люди, которые не видят и не слышат чужих страданий.

А я не такой.

– Давай свою руку, Сара.

Я помог Саре встать с земли и убрал с ее лица черные, слипшиеся от дождя волосы, которые мешали мне видеть ее глаза в полной мере. Красивые глаза, необыкновенные, прежде такие не встречал, но в них читалась тоска и одиночество.

В тот момент мне почудилось, что мы с Сарой отлично поладим друг с другом, когда она немного придет в себя. Скорее всего, у нас есть кое-что общее. Даже привиделось общее будущее.

– Да она идти не может. Бросай эту залипуху, и погнали тусить, пока все не разбежались. – продолжал гнусить Муратик.

– Нет, брат, и точка. Мы ей поможем. Бери себе еще ящик, а я ее беру.

– Куда, Алекс? У меня всего две руки, вообще-то, да! – возмутился он.

– Ну ладно, брошу тут. Кто-нибудь другой выпьет.

Оставив один ящик шампанского на земле, я освободил руку, взял Сару за талию, предварительно пожертвовав девушке свою толстовку и надев на ее голову капюшон, и повел к нам в тусовку. Благо, идти не очень далеко.

Я все-таки джентльмен. Каюсь, не всегда бывает такое, что могу показать свои возможности на деле, но сейчас просто не имею права поступить иначе. Чувствую себя ее ангелом-хранителем.

Удивительно, но факт. Я это чувствую.

Глава 3

*Спаси меня до того момента,
Пока не рухнул мой мир.
Спаси меня от меня самой
Пока не наступил рассвет...
Sirenia, «Save me from myself».*

– Заходи. Будь как дома. Есть хочешь, кстати? – пока не забыл о манерах, спросил Сару, только вошли в квартиру.

– Мне умыться бы для начала. Куда надо идти?

– Вон туда. Тебя доставить на руках, или сама дойдешь?

– А ты...

Сара не успела закончить то, что собиралась сказать.

Наш разговор был прерван очень неприятным заявлением, прилетевшим от кента по кличке Джинн.

Это самый едкий, зазвездившийся не в меру и крайне заносчивый тип из всей нашей компании сыночков-бездельников из хорошо обеспеченных семей. Держался он у нас лишь только потому, что обладал способностью достать кайф всегда и при любых обстоятельствах. Он вылез из комнаты и торопливо начал словесно нападать на Сару, унижать ее и поносить при нас с Муратиком.

На это зрелище вышли посмотреть и остальные, даже шлюхи выползли и столпились в тесном коридоре, чтобы вдоволь поугарать с чужого горя, которое им точно никогда не понять и не прочувствовать на собственной продажной шкуре.

– Где ты надыбал эту ханыжную потаскуху, Алекс? Она ж конченная торчушка, всем подряд дает за дозу. Не позорь ты нас, выставь ее отсюда. Слухами планета полнится. – заявил Джинн.

Я же был непоколебим. Продолжал стоять на месте, внимательно слушая заявления, прилетавшие от этого уroda. Некрасиво так говорить о девушке, да хоть пусть и наркозависимой.

Не верю ему. Вернее, верю, но не во всем.

И это делаю хотя бы потому, что Джинн слывет знатным сказочником. Все знают за ним такой грешок: когда его торкает лучше обычного, Джинн придумывает всякие немыслимые истории, выдавая их за правду.

Так что проще поверить первому встречному незнакомцу, в данном случае, Саре, чем ему.

Джинн, сообразив, правда, не скоро, что я его приказам не подчинюсь, верить ему не стану и категорически не соглашусь с тем, что Сара должна уйти, неторопливо двинулся на нее с мерзкой ухмылкой, пытаясь запугать, чтобы та унесла отсюда ноги сама.

– Не смотри на меня, страхолюдина, а то глаза твои повытекают. Или я их повытаскиваю сам. Запомни нас такими, позорная торчушка, ибо ты видишь этот мир в последний раз. – потирал он руки и скрипуче хихикал, забавляясь ее испугом. – Ничего тут тебе не перепадет. Мы таких, как ты, в асфальт втаптываем. Фу, грязная какая! Катись отсюда, днище обрыганное, пока сутенеру твоему не настучал, что ты прогуливаешь работу. Или с этажа не скинул. Кто тебя кинется? Кому ты нужна? Да никому абсолютно...

Не могу сказать, что слыл заступником. Скорее наоборот, обычно во мне водились качества совершенного противоположного характера. В отношении к бабам я в-основном, агрессор, который их вообще ни во что не ставит. Но этот случай был исключением из всех правил.

Что-то перемкнуло во мне в одну долю секунды, глаз дернулся, где-то в области сердца раздался мощный взрыв, давший сигнал действовать безотлагательно. Я, переполненный огнем гнева, достал нож из кармана толстовки, которая все еще висела на Саре, и бросился на Джинна.

Тот не успел увернуться, и, как показалось, нож совсем косо скользнул по его руке, которую он на автомате занес над головой, чтобы не пострадала его лживая морда, куда я, как раз-таки целился.

Моментально хлынула кровь, а Джинн, выпучив глаза на меня, а потом на рану, отошел подальше и спрятался за спину упитанного и испуганного Муратика.

А ножик-то острым оказался.

Даже не заметил я, как порез ему оставил, головой не думал. Просто сорвался, и все.

Да не слабенький такой порез...

Опасная штукавина этот ножик, однако. Мне такие вещи точно нельзя дарить, но кое-кто об этом не знал. Эта вещь и впрямь крутая, столько лет ей, а лезвие ни капельюшки не затупилось. Тщательно хранили Норваты семейную реликвию, которой я только что воспользовался. Так сказать, девственности этот ножик лишил в тот же день, как он у меня появился. Вряд ли это делал кто-то еще в нашей семье.

Нож мне подарил отец сегодня утром. При этом сто раз предупредив, что это семейная реликвия, выполненная на заказ чуть ли не миллиард веков назад, которая стоит очень дорого и представляет большую ценность для коллекционеров. Мол, такие вещи, как этот нож для колбасы, должны стоять на полках или висеть на стенах, и когда-нибудь его можно будет толкнуть за бешеные бабки. Ну то есть, по сути этот нож, по словам отца, бесполезен.

А у меня не имеется бесполезных вещей, все в ход пускаю, вот и взял его с собой на всякий случай. Оказалось, очень даже пригодился, так сказать, в быту. И я не жалею о содеянном, Джинн получил по заслугам, а я вот уже второй раз за вечер спасаю девушку. Меньше всякий люд неугодный будет языком трепать. Ненавижу, когда мне перечат и пытаются переубедить в чем-то.

Да и вряд ли у меня наступят голодные времена, так что эту реликвию можно убивать до победного конца. Детей у меня нет и не будет, потому как до скрежета в зубах ненавижу этих сопливых крикунов, насмотрелся же на сестриц. Так что своих не надо. По горло сыт чужими.

Жить в свое удовольствие – вот мое кредо, с которым свыкся и ни на что его не променяю. Лучше умру молодым, чем буду всю жизнь слыть обязанным всем и сразу, крутиться волчком ради других и спиваться себе потихоньку, как и делает мой папаша. Не хочу и не буду так, как он.

– Смотри, у него кровь. Ты его порезал, Алекс! Что ж ты сделал, брат! – заверещал Муратик и испуганно вытаращился на нож, который я до сих пор сжимал в руке.

– То же мне, трагедия. – усмехнулся я в ответ и пожал плечами.

Будто бы я слепой, и не вижу, как Джинн схватился за руку. Можно было и не комментировать столь яркий выпад с моей стороны. Да, это я оставил Джинну царапину на внутренней стороне предплечья, ну и что? Он же не упал в обморок? Значит, не смертельно. Пусть скажет спасибо, что я его не пырнул глубоко и со всего размаху, как намеревался поступить, мстя за оскорбление девушки, а то б он уже дырявым ходил. Если б ходил, а то б вперед ногами вытаскивали его сейчас вместо того, чтобы днюху мою праздновать дальше.

– Алекс, ты чего? Да ты больной на всю голову... – начал было и запнулся Джинн, а затем, немного понаблюдав за моим улыбающимся выражением лица, которое явно не выражало чувства вины или тревоги, рванул к выходу, как подстреленный мятежник. – Да я на тебя всех легавых натравлю, понял?!

– Иди-иди. Пожалуйся, пока живой. А то завтра уже поздно будет. Я тебя найду, утырок ты плаксивый, и язык тебе отрежу за твой гнилой и необоснованный базар. Радуйся, что тебе подфартило сегодня, но в следующий раз поблажек не жди. Алекс Норват не прощает такого.

Надменно сказав это, я выпроводил Джинна за дверь, отвесив ему ногой смачного пендаля напоследок. Никому он не скажет, что с ним случилось, иначе пойдет под суд сам знает, за что.

Остальная толпа нашей уже не сплоченной компашки, помолчав немного, разошлась по комнатам.

Я же, чувствуя мощный прилив удовольствия от того, что встал на защиту слабого, а тем более, девушки, и одержал победу, с удовлетворением вытер нож о внутреннюю сторону толстовки, снял ее с Сары и сопроводил девушку до ванной комнаты.

Плохих отсеял, кормить и поить за свой счет их не стану. Остались все нормальные, больше склок не будет, а значит, теперь пришло время развлекаться на полную катушку.

Пойду закину чего-нибудь в желудок, пока Сара будет купаться и пока не начался отрыв.

Кайф меня отпустил, а теперь на дикий жор поперло. Да и мысль о том, что Сара, вероятнее всего, испугалась меня и теперь думает, что я неадекватен, поскольку таскаю с собой ножи и могу кого-нибудь прирезать, пришла с запозданием. Но я ведь не такой, каким показался перед ней. Я не хотел, чтобы так вышло. Просто взял и сорвался, не знаю, что на меня нашло. Надо было дать ему в морду кулаком, тогда бы все получилось четко.

Ничего, Сара поймет меня. Я чувствую, что мы с ней очень похожи по внутреннему складу. Обязательно поймет. Я ведь заступился за ее честь, пожертвовав дружбой ради этого. Она просто обязана по достоинству оценить мой джентльменский поступок.

А мне сейчас крайне необходимо прийти в себя, изгнать накативший депрессивный психоз и придумать отмазку своему неожиданному порыву жестокости, пока Сара делает свои дела. Надо постараться пересилить себя, чтобы выслушать подробно все, что с ней случилось и попытаться помочь, а не наседавать на ее мозг своими проблемами.

У нашей семьи ведь связей много. Запросто найдем того, кто ее обидел, и накажем по заслугам. Я дал себе это обещание, я дал слово. А слово любого Норвата дорогого стоит. Так уж мы, Норваты, воспитаны, не бросаем обещаний на ветер. Это одна из сильных сторон рода, стойкая черта характера, которая передается из поколения в поколение. На нас можно положиться всегда и везде. Мы никогда не подведем и всегда ответим за свои слова и выходки. Обязательство выполнять обещания, во что бы это нам не вылилось впоследствии, сидит в нашей крови, а кровь рода портить нельзя ни под каким предлогом.

Глава 4

*Ты не знаешь,
Где она побывала и что повидала,
Но ты любишь ее взгляд,
От которого у тебя мурашки по телу.
Она смотрит на окружающих с загадочной улыбкой.
У нее есть черная татуировка, и она гласит:
«Когда придет смерть,
Я буду готова уйти вместе с ней» ...
Hurts, «Ready to go».*

Прошло несколько минут, где-то около получаса или немного меньше того, а Сара так и не вышла из ванной. Подозрительно долго она умывается и приводит себя в божеский вид, подумал я и встал с дивана. Пошел за ней, открыл дверь в ванную комнату и вижу такую картину: Сара сидит в углу у унитаза, забилась туда, отрешенно смотрит на коврик у раковины-тюльпана и чем-то грузится. Странное поведение, однако. Даже для меня.

– У меня нет сил искупаться самостоятельно. Извини, Алекс. – тихо и жалобно пояснила она, вероятно, заметив, что я стою крайне озадаченный ее поведением. – И туда не выйду, лучше тут посижу. Не хочу, чтобы твои друзья плевались от моего вида. И мне по правде лучше здесь побыть. Посижу немножко и пойду.

– Никуда тебя не пушу. Никто тебе и слова не скажет. Остаешься со мной, и точка. – я почесал затылок и закрыл за собой дверь. Сейчас буду купать Сару, раз уж она не может это сделать сама. – Что ж ты сразу не сказала, что тебе помочь надо? Мы бы времени не теряли за зря...

– А ты поможешь? Правда? Тебе не противно?

– Да без проблем, помогу, конечно. Какой вопрос... Почему мне должно быть противно? – пора бы уже действовать, а не болтать. Сара, хоть и слаба, стеснением не страдает. – Давай-ка встанем с тобой на ножки и снимем это грязное тряпье.

Раздел ее быстро и посадил в душевую кабинку, так как стоять долго, пока я буду ее отмывать, она не могла.

Тощая Сара, маленькая, синяками и ссадинами покрыта.

Тело ее, конечно, не особо меня привлекло, а точнее выразиться, вызвало отвращение в тот момент, как полностью избавил ее от одежды. Не за что глазу моему прихотливому зацепиться, чтобы восхититься и возбудиться по-нормальному, хоть Сара и голая вся передо мной, и нас разделяет всего-то какие-то несколько сантиметров. Ну просто ходячий скелет, предвзвешенно замученный, а не девушка. Никогда таких не видел. С виду она симпатичная, когда была в одежде, мозги в ее голове вроде бы есть в наличии, а вот в голом виде Сара – само олицетворение страха и жалости, да и только.

Мой член не то, что не встал на нее немножко: был бы живой и умел бы выражать эмоции, он бы в мой зад залез в панике от увиденного.

Но сейчас совсем не то время, чтобы думать о сексе. Да и место не то. И девушка не та.

Я включил воду, взял с полки жидкое мыло, выдавил в ладонь и начал ускоренно намыливать Сару. Когда дошел до ее рук в области локтей, то обнаружил следы от уколов. Те многочисленные дырки сразу бросились в глаза.

Сара и впрямь наркоманка. Значит, с мозгами у нее неполадки. Я же надеялся, что мои предположения окажутся ошибочными, и она просто уморена голодом и усталостью. Ну или если торчит, то как я, на легких наркотиках. А Сара по чернухе претя. Вот оно что...

Я остановил движения, смыл с руки пену, и, повернув к себе Сару, чтобы видеть ее лицо, заглянул в глаза и грубо потребовал с нее объяснений.

– Что с тобой произошло на самом деле, Сара? Ты колешься, так? Бежишь от кого-то, кого обнесла?

– Нет, я не колюсь и не бегу ни от кого. – бегло затараторила она вполголоса, но те признания звучали так туманно, будто бы Сара пребывала в бреду. – Вернее, да. Я сбежала. Оттуда, из четырех стен. Меня пытали и издевались, как хотели... Они меня били, не кормили, не давали ни дня прожить без издевательств...

– Стены не кормили? – с издевкой придрался к словам, давая понять, что меня вымораживает то, что Сара наркоманит похлеще, чем любой, кого я знаю за свои годы, проведенные в поисках незабываемого кайфа.

– Да, стены эти. – также тихо продолжала она, будто не замечая моих подколов. – Они жестокие. Нелюди они. Он привел меня туда и оставил умирать. Ни за что. А там со мной случился ад. И этому активно поспособствовали его приятели или компаньоны.

– Кто привел? Куда привел? – признания Сары, все еще туманные, но в них вырисовывался уже не бред сивой торкнутой кобылы, а вполне реальные вещи, меня, признаться, шокировали.

Я поднялся в полный рост и зачем-то вытащил из кармана телефон. Не придавал тогда особого значения сглаженной, но бросавшейся в глаза и режущей слух нормального человека, спутанности и нелогичности ее признаний поначалу, списав сей бред на то вполне очевидное, что Сара всего лишь переволновалась, а потому несет сущую ерунду.

Девушку, ни в чем не повинную, насильно подсадили на чернуху и после этого еще и пытали. Они пленили и держали ее где-то против ее воли. Вот что мне удалось разузнать на сей момент. И что же предпримет Алекс Норват, если перед ним девушка, попавшая в беду? Несомненно, Алекс Норват не какой-то там трус или тот, кого не трогает чужое горе. Он незамедлительно должен восстановить справедливость и узнать, что за твари это сделали. И помочь бедной девушке обрести себя, если это еще возможно.

– Мужик. Взрослый. При деньгах. – продолжала вспоминать Сара, а мысли ее так и летели в грубом сумбуре. – Белые стены... Мужик темный, костюм черный, обувь дорогая. И ворота обшарпанные железные. А потом веревки, каталка, кляп в зубы и укол, от которого я забыла, как меня зовут... Не могу точно описать, где именно я была, так как пока меня везли, было темно. Или у меня были завязаны глаза. Или я была без сознания... Не помню. Прошло много времени...

– Ты знаешь того мужика? Точно знаешь, раз села к нему в машину. Имя его говори сейчас же! Я с него в один миг кишки вытрясу, раз такое дело... – получив от Сары отрицательный кивок и увидев, как ее большие глаза наполнились слезами, такими же большими, я сам впал в уныние и не стал этого скрывать. Никаких зацепок. Она не знает, куда ее увезли, сколько времени держали, и кто ее обрек на то адское приключение, тоже не помнит. Либо же это все действия уколов, которыми ее пичкали, либо же память ей всего-навсего отбили издевательствами. – Хотя бы помнишь, как он выглядел?

– Немного припоминаю. Он такой... Или...

– Описывай же, что помнишь! Не тормози! Любую мелочь! – я включил диктофон на телефоне и поднес к Саре, чтобы ее показания записались отчетливо и чтобы я ничего из важного не упустил.

– Высокий он был. Такой, чуть выше тебя и намного выше меня, такой же большой, широкие плечи, черные волосы, голос низкий-низкий. Очень низкий и грубый у него был голос. Басом говорит, а когда стихает, будто рык слышится.

– Так, что еще? Детали важны.

– Денег у него много было. Пачки денег на заднем сидении его машины, я помню, они валялись повсюду. Я взяла одну купюру и поплатилась за это.

То есть, Сара пыталась обокрасть этого мужика, но не вышло. Вернее, вышло, но совсем не в ее пользу.

– Какая машина была у того мужика?

– Джи́пьяра здоровенный. Кажется, если не ошибаюсь, черного цвета. Было темно, и я не особо обращала внимание на цвет. Просто села к нему, и потом... Потом он отдал меня им...

– Они посадили тебя на наркотики? – задавал я наводящие вопросы.

– Да. – твердо заявила она. От ее ответа у меня волосы на голове зашевелились. То есть, Сара говорит сейчас правду, раз не боится, что я записываю ее показания. – Это сделали они.

– Ничего себе... – прошептал я, отвернувшись, а затем снова продолжал восстанавливать картину произошедшего. – В какой-то момент ты сбежала, и они за тобой не последовали. Или не поймали?

– Не знаю, преследовали ли они меня... Не помню, я просто бежала, сколько хватило сил, а потом шла пешком.

– Ты обращалась в полицию? – она отрицательно покачала головой, даже не поглядев на меня. Я же разозлился. Больше всего из-за того, что она испугалась, а те уроды на свободе до сих пор. – Это не шутки, Сара. Черных джипов много. Также много, как и наркоторговцев, но шанс поймать и обезвредить конкретно этого мужика и его банду головорезов есть. Надо делать это, пока он не навредил другим.

– Ходила в полицию. Не помогли мне так. Лишь выставили меня на посмешище и сказали, что лучше бы мне самой уйти отсюда, пока меня не определили в клинику для душевнобольных. Единственное, что важно, так это они разок упомянули имя и фамилию того мужика. – Сара сделала небольшую паузу и вздохнула, переводя дыхание. Я же напрягся и ждал. – Имя у него точно не сербское, а какое-то на иностранный манер, а вот фамилия простая. Как же его...

Она нахмурилась и отвернулась от диктофона, заметив, что царапает собственные колени. Да и я понял, что пора бы его выключать. А желательно бы и вовсе стереть одну из последних фраз касательно клиники для душевнобольных. С такими признаниями и к адвокату не обратишься.

Но неожиданно Сара заговорила о дельном, что может отлично помочь в розыске этого ублюдка.

– Напоминает название страны его фамилия. И она на слуху в нашем городе. Только вот какой страны? Не могу вспомнить сейчас... Позвонили ему, короче, этому дядьке, прямо из полиции, и дальше меня по его приказу из отдела увезли туда же и попытались заморить голодом, как собаку. Еще бы немного, они меня застрелили бы и закопали где-нибудь. Если бы я не бежала, так бы и вышло...

– Они сказали, за что держат тебя там и что хотят взамен? Может быть, они хотели выкуп, или кто-то из твоих родных перешел дорогу кому-то из местных авторитетов вроде того дядьки с говорящей фамилией? Почему его фамилия на слуху? Он какой-то политический деятель либо известный предприниматель?

Сара замолчала, раздумывая, что следует ответить такого, чтобы помогло делу и не вызвало недоумения на моем лице. Молчала она долго. Наверное, все пыталась понять, почему неизвестные люди так с ней поступили. Даже не люди, а зверье.

За какую провинность она испытала на себе столь жуткие вещи, и до сих пор продолжает испытывать?

То, что с ней происходит и что не дает мыслить логически, называется ломкой. И это состояние мне знакомо как никому. Ей нужна доза или хотя бы половинка, чтобы перестать загоняться.

– Им нравилось глядеть на то, как я мучаюсь. Они хотели видеть мои страдания. Они улыбались, когда я лезла на стену от издевательств. Они запрещали мне громко кричать.

Сказав это, Сара, вслед за руками, опустила голову на худющие колени и заплакала навзрыд.

– Не печалься, Сара. Я помогу тебе, обещаю. Слово даю. Только и ты попытайся вспомнить внешность того мужика или хотя бы марку джипа, если с фамилией туго пока что. У меня отец, вполне возможно, что знает этого урода, поскольку тоже довольно известная личность. А я обязательно спрошу отца об этом завтра, но нужно собрать чуть больше информации. Ты уверена, что больше ничего не помнишь?

Вместо ответа на важный вопрос, Сара вдруг резко перестала лить слезы и заговорила о другом, задав тот вопрос, который я меньше всего ожидал услышать.

– Твой отец богатый и известный?

– Ну да. – ляпнул без всякой задней мысли. На самом деле, не понял, зачем это нужно знать Саре. – Не повезло мне с отцом.

– Ты прав. Тебе не повезло. – говорила на выдохе. Однако, мой ответ ее, как показалось, успокоил. – От богатых людей одни беды ждать приходится. И ты самый настоящий засранец. – она подняла на меня глаза, которые сверкнули злобой, и процедила. – Избалованный ты мажоришка, который от нечего делать бесится с жиру вместо того, чтобы нести за что-то ответственность. Это видно по тебе, можешь не спорить и не пытаться отрицать очевидное. Я знаю, что ты хочешь сказать в оправдание, но ты солжешь, прежде всего, себе. Ты слишком много на себя берешь и слишком много себе позволяешь, вот это ближе к истине, а не то, что я мало с тобой знакома, а потому не знаю, какой ты. Нельзя так бездумно относиться к тому, что у тебя имеется, Алекс. Если не одумаешься, кара тебя настигнет куда быстрее, чем думаешь, и ты в несколько раз хуже заплатишься за все, что сделал когда-то сгоряча. И этой кары, поверь мне, долго ждать не придется.

Понял, к чему она клонит. Надо быть круглым дураком, чтобы не понять этого. Испуг в ней говорить сейчас. Она не хочет видеть во мне повторения того, через что прошла.

– С Джинном все будет хорошо. Всего лишь повздорили мы с ним чуть больше, чем обычно бывает у нас.

– Ты порезал ему вены, Алекс. – вполне серьезно утверждала Сара. – Разве можно выжить после этого? Завтра ты узнаешь, что он труп, и тогда тебя посадят в тюрьму.

– Ты все перепутала, Сара и забыла все, как было. Джинн никакой не труп. Он же ушел на своих двоих отсюда, дурочка. Если хочешь, я позвоню ему сейчас и спрошу, как он добрался.

– Нет. Говорю тебе, он труп. А в тебе столько жестокости, что...

– В таком случае, почему ты пошла со мной, если я жестокий засранец и избалованный мажоришка, который убивает людей?! – я повысил голос. Сколько можно выслушивать о себе грязь? Но тут же, когда Сара съежилась и испугалась еще сильнее, заставил себя моментально остыть и перешел на полусшепот. – Значит, я внушил тебе хоть каплю доверия тогда, правда?

– Мне кажется, что тебя можно вылечить. Вот почему я пошла с тобой. – Сара с опаской глядела на меня. – Ты хороший парень, Алекс. Просто ты этого пока что не понял. Сколько тебе лет?

– Восемнадцать.

– Странно. – она подняла брови и, немного помычав, озадаченно продолжала. – Должен был понять несколько простейших истин к своим годам. А мне двадцать четыре, кстати. И я Сара.

– Я помню, что ты Сара. Выпьешь за мое здоровье? У меня день рождения сегодня. Вот отмечали до того момента, пока в магазин не пошли и тебя не встретили.

Надо бы ей немного отвлечься и позабыть о проблемах и о том, что пережито. Поскольку траву предлагать не стану, а причина тому вполне известна, да и сам не буду грубить с запре-

щенкой, чтобы еще на кого-нибудь не кинуться, мы с ней ограничимся сугубо только лишь слабеньким алкоголем.

– С радостью. Что пить будем?

– Есть пиво и шампанское. Но шампанское не советую. Оно тебя измотает, либо убьет вообще. Кушать?

– Пиво так пиво. Буду кушать все, что предложишь.

– Тогда вставай. Сейчас укутаем тебя в полотенце и пойдем в комнату, где никого нет. Узнаем друг друга поближе. Никто нам там не мешает.

Глава 5

Как и следовало ожидать впоследствии, грандиозный траходром с двумя девицами-шлюхами, до отказа накачанными первоклассным возбuditелем, который мне лично для полного отрыва в качестве подарка подсутил один хороший паренек, отменился, так и не успев начаться. Не полапаю я те отменные сиськи, на которые зарился до той поры, пока не поперся в магазин, ну ничего. Есть дела и поважнее всяких там продажных телок. У меня появился очень интересный собеседник со схожей проблемой в психологическом плане. Родственную душу обрел сегодня я, в общем-то. Не зря сходил в магазин за выпивкой. Оказалось, порой, это приносит не только вред, но и колоссальную пользу, ведь я мало того, обрел друга, так еще и человека спас. Правда, ценой здоровья одного из компании.

Оставшийся вечер я провел с Сарой, в полном уединении. Мы закрылись в спальне, предупредив всех, чтобы нас не отвлекали и не трогали даже в том случае, если случится потоп, извержение канализационной трубы либо пожар и теракт, вместе взятые. Нас нет, и точка.

Отмытая, чистенькая, заметно посвежевшая Сара, как внешне, так и внутренне, в отсутствие того смрадного и крайне бедного, страдающего безвкусицей, многослойного тряпья, которое было на ней надето до купания, а теперь уже в моей футболке, преобразилась до неузнаваемости. В целом, она гораздо больше походила на человека, на девушку, довольно завлекательную, но все равно выглядевшую очень жалко, если присмотреться более основательно.

Ее бледная, почти белая кожа, будто матовый мрамор с синеватыми прожилками проступающих вен, обтягивала ключицы, выглядывающие из-под выреза футболки, которая была ей велика на несколько размеров. Сильные, но до неприличия костлявые руки, такие же ужасающе худые ноги. Анорексия ее точно погубит, если не возьмется за лечение основательно, тут и к гадалке не ходи.

Ее глаза удивительной красоты, большие, но стеклянные, мертвые, и черные синяки под ними красовались, наводя смятение и уныние.

Не зная я истинную ситуацию, которая случилась с Сарой, подумал бы с дуру и уверял бы себя, что эта изможденная девушка довольно долго жила впроголодь, с вечным недосыпом, в стрессе, в ужасных условиях, без всяких удовольствий и свободного времени, причем, она только и делала, что батрачила на нескольких тяжелых работах за смешные копейки по две-три смены подряд. Только на то и тратила свои силы, чтобы не протянуть ноги раньше времени, до чего, в принципе, оставалось совсем недолго. А поскольку график не позволял, то и отдыхать ей было некогда. Словно балансировала на грани жизни и комы, казалось со стороны.

Что тут говорить, весьма ужасно Сара смотрится по сравнению с эскорт-девами, которые хоть куда и хоть с кем, на любой прием, но зато она более настоящая, чувственная, живая, нежели они все, вместе взятые.

Тут и сравнивать не с чем. Да и Сара со мной искренна. Не боится сказать в лицо все, что думает. Похвальное это качество. Не лебезит передо мной, с чем я в своей жизни сталкиваюсь крайне редко.

Мы с Сарой много говорили, получалось это без остановки и абсолютно обо всем подряд, что только приходило в головы, и при этом много пили. Но пили все-таки меньше, чем говорили. Сара еще и пыталась закусывать.

Спустя какое-то время Сара устала и доверительно улеглась на кровать, разместив голову на моих коленях, и продолжала то, на чем остановилась. Она без конца, тихонько, но подробно рассказывала о себе, о своей тоскливой жизни. О том, где она выросла, как жила.

А я безмятежно цедил пиво, гладил ее по волосам, молча слушал ее сладкий, немного сипловатый голос, и удивлялся тому, насколько разные мы с ней внешне, в каких условиях,

при каких обстоятельствах мы начали свое существование на этой планете, и как существуем сейчас. То материальное, что имеется у меня, причем досталось это материальное просто так, лишь за то, что я есть, и то, что я не ценю в данный момент, Саре никогда не светит и не светило. Разве что, если она замуж за богатея выскочит, но...

Это маловероятно.

Кто ее возьмет?

Если быть честным, да кому она нужна такая, больная и проблемная? Возможно, она и родить не то, что здорового, да вообще, просто ребенка, хоть какого-нибудь, лишь бы живой был, будет не способна по состоянию собственного здоровья и по причине наркозависимости. Кто знает, может быть, мне Сара пригодится когда-нибудь в качестве главной спутницы по жизни, и то возможно будет только потому, что она, хоть и неказиста и жалка, совсем не похожа на тех телок, с коими я имел неосторожность заводить знакомства прежде, до нее. И хоть она не из моего круга, это никак не повлияет на мое решение связать с ней судьбу, так как для меня не имеет ни малейшего значения.

Сара, к сожалению, выросла в семье алкоголиков и туеядцев, ничего у нее нет за душой, кроме одной-единственной условной судимости за кражи по малолетке и непреходящего депрессивного психоза из-за того, через какой ад ей пришлось пройти не только в последнее время, но и за все свои годы, с малых лет. Ей пришлось бросить школу по причине критического отсутствия денег в семье и пойти работать на завод. Занималась вовсе не женским трудом, и все, что можно и нельзя, надорвала себе и подорвала здоровье еще тогда. С завода ее поперли спустя какое-то время, предварительно еще и не заплатив обещанную сумму. Ни компенсации, ни заработной платы, ни отпуска по больничному она не получила.

Ну а после того, где Сара только не работала: и уборщицей в отеле, и нянкой устраивалась, но как-то не складывалось у нее с работодателями и там по неизвестной причине. А может, причина та лежит на поверхности, просто Сара о ней решила смолчать. Я не перебивал и не вдавался в подробности. Это ее дело, что говорить о себе, а что утаить.

В итоге, после того, как жизнь отвесила ей кучу пендалей, а черная полоса прописалась в ее буднях надолго, Сара от горя пустилась во все тяжкие. Ушла из дома, жила где приходилось, перебивалась случайными заработками.

И в одну из тех попыток достать легкие деньги Саре и попался тот самый известный в нашем городке мужик с фамилией, напоминающей название страны. Она познакомилась с ним в клубе «Грот», в котором мой отец тоже был завсегдатаем, да и я, бывало, захаживал туда частенько, пока там не ввели фейс-контроль. Ну и, когда ввели, меня уже не пропускали. Жаль, что я давно там не был, возможно, и вспомнил бы что-нибудь из той ночи. Возможно, я бы заступился за Сару еще тогда, и не было бы всего того, что есть сейчас...

Сара намеревалась обчистить того мужика. В этом она мне призналась честно. И даже назвала причину, почему хотела идти на кражу. Она, хоть и не была склонна к подобному, понимала, что этот богатый мудака не обеднеет от стопки денежных купюр, которые валялись в его машине, как простые бумажки, да и он не заметит пропажи. А он, как назло, взял да заметил и наказал ее, но по-своему. Не повел в полицию, что было хотя бы гуманно с его стороны, а поступил жестоко: сдал на потеху своим друзьям; те держали ее в подвале или на складе, редко кормили, в-основном, вкалывали ей что-то в вену, а затем били и насиловали.

Сара так и не вспомнила, сколько времени ее там продержали, да и спрашивать о том бесполезно, ведь она даже не ориентируется в элементарном. К примеру, какое на дворе время года.

И я, хоть и сам ни разу не попадал в подобные передрыги, понимал ее состояние и пытался разделить его. Конечно, предполагал я, раз пережив такое, и себя перестанешь помнить, не то, что время года.

Тяжело мне было все это слушать от девушки, а взять и просто принять тот факт, как данность, вообще невозможно. Да просто не укладывалось в моей квадратной башке, что Сара стала наркоманкой не по своей воле, да еще и обидчики ее живы-здоровы, ходят по той же земле, в том же городе, где и мы находимся. Бездействие Сары, властей, да и вся история ее очень сильно шокировала меня, ведь я прежде никогда не сталкивался с подобными людьми, называемыми отбросами нашего, дюже правильного общества, погрязшего в пресловутой морали внешне, а внутренне они – все то же зверье, как и те отбросы. Не больше не меньше, зверье.

Сара все говорила и говорила, а я, неустанно слушая ее речи, все больше и больше осознавал, что просто обязан помочь ей справиться с душевной травмой, должен сделать так, чтобы она забыла об этом ужасном инциденте, но с трудом представлял, как это возможно, в принципе, осуществить.

Чтобы забыть о таком, надо хорошенько постараться. Но я верил, что смогу.

Ну что ж, все, что угодно, а вот сидеть сложа руки в нашем положении уж точно нельзя. Надо что-то делать. Просто брать и делать.

Начну с малого. Попытаюсь оберегать ее, мягко и постепенно, но упорно и без поблажек наставить ее на правильный жизненный путь. Да, это я могу, хоть и сам погряз в наркотическом дерьме по уши.

Кто бы меня вытащил...

Возможно, Сара когда-нибудь поможет и мне, и мы вместе станем другими.

А вдруг, что и получится, если мы с ней будем оба стараться? Но у меня проблем куда меньше, чем у нее, и я это осознаю. Ей несладко, а на мне теперь лежит колоссальная ответственность за нее. Я отвечаю за нее. Я несу за нее крест.

Кто-то сломал Сару, убил в ней личность. Она была умной девушкой, способной, но, к сожалению, совсем не имела возможности выбиться в люди. А до таких, как я, мажоров, детей богачей, ей вообще никогда не допрыгнуть.

Да и Сара особо не боролась, если уж быть честным, она ведь сразу пошла по кривой дорожке, но каждый может ошибиться, а потому винить и казнить ее не стоит. Да и рука не поднимется обидеть это жалкое существо. Тем более, теперь, когда из-за каких-то недокраденых денег ее разум, как и жизнь, висел на волоске.

Глава 6

Наутро я повез Сару к себе домой. Предложил ей, пока не улажу дела с родными, временно пожить в моем гараже, а заодно присмотреть за ней и помочь справиться с состоянием, когда ее снова посетит ломка.

К сожалению, мама у меня, хоть и добра и всех кругом любит, но все равно бы не приняла Сару и не впустила бы ее в дом, даже если б я сильно попросил об этом. Я хорошо знаю собственную маму. Она бы сказала, что хотела для меня лучшего, а не вот это, что я привел. Ну и попросила бы ее на выход.

А родителям Сары, алкашам и тунеядцам, до нее дела нет никакого. Да и опасно ее отпускать в ту степь обратно. Ей никто там не поможет. Сгинет же, ни за что и не про что. Пусть некоторое время поживет у меня в гараже, под присмотром будет, да и мама моя туда все равно не ходит.

Сара будет рядом со мной. Так я решил втайне от мамы и отца, пока не найду ей квартиру поближе ко мне, чтобы контролировать каждый ее шаг. Мне хотелось взять эту девушку под тотальный контроль. Чтобы она и повернуться без моего ведома не смела.

Как раз, обстоятельства удачно складываются для того, чтобы мы с Сарой зажили отдельно, попробовали кантоваться вместе: отец мой собирался деньжат подкинуть на неделю-другой, чтобы я мог за сессию заплатить, вот тогда все и произойдет.

Я пообещал Саре, что потороплю отца, ведь деньги нам нужны очень срочно, а не через месяц, и она согласилась перекантоваться в гараже. Да, не хоромы тут у меня, конечно, но все же тепло, сухо и уютно. Идти Саре все равно не к кому и некуда, да и мало ли, может, ищут ее, чтобы прикончить, а гараж у меня чистый, безопасный, раскладной диван здесь есть, телевизор, чайник.

Еду ей только носить остается, и все. Это не проблема, со стола буду тащить. Мама готовит много, все ждет отца каждый день, в итоге очень много она относит в церковь неподалеку, а остальное, что потеряло свежесть, выбрасываем собакам.

Поскольку я намеревался действовать и клятвенно пообещал во что бы то ни стало, как только проснулся, сразу поехал к отцу. Даже не позавтракал и не сказал Саре, спешил так сильно. А вдруг отец на шахту, которая располагалась за городом, укатил?

Но, как обычно бывает в подобных ситуациях, когда закон подлости срабатывает «за здрасте-подкрасте», сразу, только переступив порог, я понял, что не стоило подрываться так рано, и что утро я проведу в его особняке совершенно зря.

Вот же незадача...

Вот как знал, что отцу совершенно не будет дела до меня, Сары и наших с ней общих проблем. У него теперь своих, видите ли, прибавилось. Завел себе сдури нянечку-малолетку по имени Лидия, из детского дома выудил эту брошенную чушку цыганской наружности.

Мало того потрясения... А еще я узнал ту страшную новость, что отец, оказывается, собирался ее удочерять. Не хватает ему уже имеющихся дочек, так чужую подавай! С ума сойти просто! А я же опять не в тенденции!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.